

Дмитрий Вересов
Генерал
Серия «Семейный альбом», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329862
Вересов, Дмитрий Александрович Генерал: Роман-хроника: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082751-0

Аннотация

Переводчица Станислава Новинская и бывший генерал Красной армии Федор Трухин, ставший начальником штаба армии Власова, встречаются в Варшаве 1943 года.

Лагерь для пленных советских офицеров, сложнейшие военно-политические маневры вокруг создания РОА, жизнь русского Берлина военной поры и многие другие обстоятельства, малоизвестные и ранее не затрагивавшиеся в художественной литературе, – все это фон того крестного пути, который проходят герои, чтобы понять, что они единственные друг для друга.

В романе использованы уникальные материалы из архивов, в том числе и личных, неопубликованных писем немецких офицеров и новейших статей по истории власовского движения, к описанию которого автор подходит предельно объективно, избегая сложившихся пропагандистских и контрпропагандистских штампов.

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	16
29 июня 1941 года	16
28 июня 1941 года	21
29 июня 1941 года	26
9 июля 1941 года	29
30 июня 1941 года	33
10 июля 1941 года	37
20 июля 1941 года	40
13 июля 1941 года	44
28 сентября 1941 года	52
14 июля 1941 года	55
14 октября 1941 года	57
28 сентября 1941 года	61
7 ноября 1941 года	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дмитрий Вересов
Генерал
Роман-хроника

© Д. Вересов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Предисловие

Мое поколение застало советскую власть в обличье Степаниды Власьевны, барыни упрямой, падкой на лесть, слегка маразматической – но в целом незлобной и, как говорится, «жить позволяла», причем во многих отношениях вполне достойно. (А ведь правда, ни до, ни после – ни при царизме, ни, увы, при сегодняшней «банановой» полудиктатуре – не было в нашей большой стране практически поголовно сытого и грамотного населения.) Порой казалось: нашей бы Степаниде еще чуть-чуть мозгов, воли, здравого смысла – и все будет классно.

Классно не стало.

И вот теперь, старея и ностальгируя, наблюдая пустоглазое «кувшинное рыло» нынешнего истеблишмента и чудовищную нравственно-интеллектуальную деградацию общества и власти, мы не только с теплотой вспоминаем бровасто-брыластую матушку Степаниду, но и почти рефлекторно перебрасываем эту теплоту на предшествующие ее воплощения – в особенности на усатый облик «эффективного менеджера» и «лучшего друга физкультурников». Те, кто еще позавчера жадно читал Солженицына в «слепых» машинописных копиях и выхватывал друг у друга из рук перестроечные «Огоньки», сегодня витийствуют про гениального вождя и полководца, сурового и справедливого, как Стивен Сигал. Другие же, не сумевшие и не захотевшие «поступиться принципами», талдычат про кровожадное чудовище, пожравшее лучшую половину собственных подданных. И, что характерно, ни те ни другие не хотят разобраться в предмете спора по существу, да и убедить друг друга в своей правоте особо не стремятся – лишь бы перекричать, заклеить, пригвоздить...

И хотя моя книга отнюдь не про товарища Сталина, события, в ней отраженные, не только напрямую связаны с этой нерядовой по всех отношениях личностью, но почти всецело этой личностью обусловлены. Поэтому небольшой экскурс в данном направлении представляется мне важным и необходимым.

Исторически появление фигуры такого типа было фактически неизбежным, причем в контексте как национальном, так и мировом.

Начнем с национального. К 1917 году Российская империя стремительно, хоть и в целом закономерно, пошла в окончательный разнос, и осенью власть в ней даже не захватила, а практически подобрала маргинальная политическая группировка, вполне подпадающая под определение «экстремистской тоталитарной секты». Сочетание утопически-бредовой по существу, но броской, привлекательной и понятной массам идеологии, четкой организации, террористических методов и благоприятных внешних факторов позволило данной секте ценой большой крови эту власть удержать. Однако, будучи «заточенной» на непримиримую борьбу, в организации мирной жизни она, мягко говоря, не преуспела. Ставка на «новую экономическую политику», благами которой сумела воспользоваться лишь ничтожно малая часть населения, не сыграла, как и ставка на «мировую революцию» с последующей всемирной кооперацией пролетариата. Ценой несоизмеримо больших усилий удалось осуществить лишь малую часть амбициозных, порой доходящих до откровенной маниловщины, проектов новой власти. Виноватыми, разумеется, были объявлены враги и вредители, в число которых наряду с традиционной уже «недобитой контрой» и «мелкобуржуазными умниками» начали попадать и партийно-хозяйственные «перерожденцы». Репрессивный аппарат, никогда не простаивавший без дела, по мере нарастания кризиса вновь заработал на полную катушку – и это еще до выхода на авансцену товарища Сталина с его «группой поддержки». А потом произошло неизбежное: победившая революция выдвинула из собственных рядов Великого Вождя и, по совместительству, могильщика самой же революции.

Теперь о мировых, точнее, в данном случае, общеевропейских делах. С середины 20-х и на протяжении всех 30-х годов XX века главным, как говорится, трендом оказывается становление, в том или ином виде, фашистских и полуфашистских диктатур, а те континентальные страны, в которых этот сценарий не реализовался, были вскоре, за малым исключением, придавлены немецким кованым сапогом. При этом в каждой стране диктатура имела свой отчетливо национальный характер, и местные «фюреры» (кроме совсем уж марионеточных, вроде норвежского Квислинга или хорватского Павелича) отнюдь не были слепым орудием в руках фюрера германского. Так, лучшего друга Муссолини австрийского диктатора Дольфуса гитлеровцам пришлось ликвидировать, а самого Муссолини, как и венгра Хорти, – приручить путем оккупации их стран в 1943–1944 годах. Франко в Испании и Маннергейм в Финляндии вели и вовсе самостоятельную политику.

Собственно Иосиф Виссарионович идеально вписывается в этот ряд европейских диктаторов – с той, однако, принципиальной разницей, что свой фашизм он строил на большевистской платформе. Отсюда и радикальная разница в риторике и пропаганде («классовое» взамен «национального»), в методах «мобилизационного» экономического регулирования. Отсюда и беспрецедентно жесткая (даже по гитлеровским меркам) внутренняя политика – в этом отношении почва была отменно унавожена предшественниками. Рискну даже высказать мнение, что в наиболее катастрофических с точки зрения человеческих потерь акциях большевистской Системы (варварская коллективизация, голодомор, массовый отстрел специалистов в разнообразных «отраслевых» процессах начала 30-х) лично Сталин виновен не в большей степени, чем запущенный еще в 1917 конвейер классового геноцида. Он еще не мог единолично влиять на ситуацию – хотя открывающиеся в этом направлении возможности, безусловно, оценил. О репрессиях именно сталинских мы, полагаю, вправе говорить, начиная с 1934 года, конкретно – со «съезда победителей».

С этого момента начинаются удивительные параллели СССР и гитлеровской Германии.

Гитлер стал рейхсканцлером и «фюрером» вовсе не по итогам всеобщих выборов. На последних перед «коронацией» выборах его партия потеряла более двух миллионов голосов по сравнению с предыдущими («добрых немцев» оттолкнула его людоедская риторика и устрашающие акции его активистов) и рассчитывать могла разве что на несколько мест в коалиционном правительстве. Но в результате сговора с правыми (с их последующим обманом) и запугивания, а то и физической ликвидации центристов и левых он получил свой «маршалский жезл» из рук Гинденбурга и фон Папена и тут же начал строить свою «вертикаль власти» – отменил выборы, запретил другие партии, «зачистил» конкурентов... Так что Германия отдалась Адольфу не совсем по любви и не совсем добровольно.

Сталин сделался единоличным правителем СССР тоже не без проблем по части легитимности, даже в ее специфическом советском понимании. Доподлинно неизвестно, действительно ли отборные большевики и верные сталинцы, соревновавшиеся с трибуны XVII съезда в славословиях в адрес своего Генсека, в бюллетенях для тайного голосования жестко его прокатили, поставив на пресловутое 14-е место, и была ли действительно произнесена красивая фраза: «Неважно как голосуют, важно как считают». Скорей всего, байка. Но ведь съезд по факту упразднил должность Генерального секретаря ЦК и избрал двух статусно равных «просто» секретарей – Сталина и Кирова. Более того, юридически первым лицом страны был вовсе не Сталин, а председатель ЦИК (позже переименованного в Президиум Верховного Совета) М. И. Калинин. Да и главой правительства Сталин стал только во время Большой войны.

Событием, «зацементировавшим» диктатуру Гитлера, стал пресловутый поджог Рейхстага, давший повод к фактической отмене всех конституционных прав немцев.

Для Иосифа Виссарионовича роль горящего Рейхстага сыграло убийство Кирова. Не доказано, что он приложил руку к этому убийству, но, что извлек из него максимальные поли-

тические дивиденды – сомнению не подлежит. Тут уже полетели первые номенклатурные головы: расстреляно 14 ленинградских комсомольских вожakov, жесткую посадку совершил Гриша Зиновьев, давний недруг Сталина, а с ним еще порядка 800 человек. И это было только начало...

Не имею ни малейшего желания ввязываться в нынешнюю стычку двух мифологий по поводу количества жертв сталинского террора. «Сталинисты» (они же «совки», «красно-коричневые» и т. д.) отрицают сам факт массового террора, охотно признавая, что их герой «очистил страну от всякой сволочи». «Антисталинисты» же (т. е. «либерасты», «дерьмократы» и «пятая колонна») на полном серьезе говорят о 20, а то и 50 миллионах безвинных жертв. Примем за основу цифры, на которых более или менее сходятся серьезные источники: порядка 1,5 миллиона репрессированных по политическим мотивам в период с 1935 по 1941 год, из которых расстреляно чуть меньше половины. Много это? Чудовищно много. Однако, думается, сильно ниже общего числа жертв советской власти за период до окончательного воцарения Сталина или жертв Великой войны, ответственность за разжигание которой он несет почти наравне с Гитлером.

Тут важен вопрос не только количества, но и, так сказать, качества «жертв сталинских репрессий». Когда читаешь, что кровавый Сталин чуть не под корень истребил ленинскую гвардию, доблестных латышских стрелков, героев Гражданской войны, видных теоретиков марксизма-ленинизма, славных деятелей Коминтерна и аж три «смены» руководящих кадров ЧК-ГПУ-НКВД, – трудно подавить в себе ощущение, что восторжествовала историческая справедливость. (Хотя среди этой публики было некоторое количество людей вполне симпатичных, как, к примеру, Виталий Примаков, или несимпатичных, но интересных и нетривиальных, как Бокий или Агранов.) Но когда речь заходит про сотни тысяч граждан, попавших в ежовскую мясорубку в силу «неправильного» происхождения, вероисповедания, национальности, профессии, места работы, начальника, знакомства, родства, стихов, романов, спектаклей, а то и просто по разнарядке или лживому доносу, о торжестве справедливости говорить уже не приходится.

Характерной особенностью этой волны репрессий (в отличие от репрессий того же Гитлера в отношении реальных политических противников или «расово неполноценных» евреев и цыган) была их полная непредсказуемость. Шанс, пусть и небольшой, получить пулю или «десятку» лагерей за троцкизм или шпионаж имел любой рядовой гражданин, будь он даже чукча-китобой, а для гражданина нерядового этот шанс возрастал многократно. Приходя на любую сколько-нибудь ответственную должность – в наркомат, на производство, в Красную армию, в райком, в институт, в НКВД, да хоть в балет, – человек как бы заранее подписывал себе приговор, который мог быть приведен в исполнение завтра, или через полгода, или через десять лет, или никогда. В каком-то смысле под Сталиным ходили как под Богом. Не трепетать перед таким владыкой было невозможно, а вот верить и, тем более, любить... В голове не укладывается. Ладно бы легко внушаемый молодежь, а то взрослые, вменяемые люди. «Стокгольмский синдром», когда заложники, чтобы не сойти с ума, испытывают чувство эмоциональной причастности к террористам, пытаются их оправдать, понять, действовать с ними «в унисон»? Усердная имитация безграничной веры и любви, продиктованная безысходностью или инстинктом самосохранения, вошедшая в привычку и ставшая «второй натурой»?

Словом, вполне себе фашизм – со своим фюрером, своим гестапо, своей единственной и неповторимой Партией, своим гитлерюгендом и Трудовым фронтом, своими геббельсами, гимmlерами и розенбергами, своими митингами железного единства и «пятиминутками ненависти». Со своей «ночью длинных ножей», растянувшейся на годы.

Главная разница между фашизмом сталинским и фашизмом гитлеровским заключалась, на мой взгляд, не в цвете знамен (кстати, одинаково красном), не в формах соб-

ственности, не в «пролетарском интернационализме» в противовес «национальной исключительности», а в том, что Сталин, в отличие от Гитлера, ничего принципиально нового в существующую на тот момент систему управления страной не внес, а лишь оптимизировал ее, приспособив под реальную обстановку.

А обстановка была такова, что без этого «сталинского фашизма» наша страна не выстояла бы в Великую войну, предчувствие которой буквально витало в воздухе по всей Европе. И дело тут не в том, что Вождь был каким-то особо выдающимся военным стратегом или организатором Вооруженных сил. Отнюдь. Как показала жизнь, с точки зрения сугубо военной, Главнокомандующим он был, мягко говоря, посредственным. Зато он сделал то, без чего был бы бесполезен любой стратегический и организационный талант, – предельно от мобилизовал экономику и в короткие сроки наладил массовое производство современного, лучшего по тем временам комплекса средств ведения войны. И второе – он открыл беспрецедентный «социальный лифт» головастой и рукастой молодежи, рожденной до или сразу после революции, быстро эту технику освоившей, встретившей войну в младших и средних офицерских чинах и составившей костяк новой, рожденной в боях, победоносной Красной армии. Из этих ребят с той войны вернулся едва ли каждый десятый...

Излишне говорить, что ни СССР Троцкого, ни СССР Бухарина – Рыкова испытания Большой войной не выдержал бы. Иное дело, что при таком раскладе могло бы не быть и самой войны, – но это материи совсем уж гадательные...

Одновременно ровно тем же, хоть и по несколько иной методе, занимался германский фюрер – мобилизовывал нацию, вооружался, воспитывал отважное, беззаветно преданное идеалам рейха поколение «молодых волков». И хотя всестороннее, в том числе и военное, сотрудничество с Германией, начавшееся еще при Ленине, официально не прекращалось, Сталин, несомненной читавший «Майн кампф» (он вообще был читатель квалифицированный и очень вдумчивый), прекрасно понимал, за счет какой именно страны Гитлер собирается завоевывать «жизненное пространство для немцев». И начал это сотрудничество сворачивать, а немецких национал-социалистов не вполне корректно именовать «фашистами» – на тот момент это был ходовой ругательный термин для любого «буржуазного» правительства. Со скрежетом зубным он наблюдал, как его зеркальный близнец поглощает Австрию, Судеты. На подобные резвости Сталин решился только после провала переговоров с Англией и Францией и резкого дипломатического прорыва в отношениях с Германией. Гитлеру срочно понадобились гарантии невмешательства СССР в полностью подготовленную военную операцию против Польши, Сталину – время для завершения подготовки к неизбежной войне (тогда еще не вполне понятно, с кем именно). В результате чуть ли не на коленке был составлен и 23 августа 1939 года подписан знаменитый договор о ненападении.

Наступил решающий раунд военно-политического покера. Сталин поставил на того, кого посчитал слабейшим. Отношения со вчерашними «фашистами», а ныне уважаемым «германским правительством» мгновенно наладились, пошла торговля, активизировались контакты по всевозможным линиям, включая военно-техническую. Советские специалисты облазали все военные заводы Германии, буквально обнюхав и обшупав все образцы, кое-что прикупили, кое-что обменяли. Немцы поступали так же, выражая неподдельное восхищение достижениями СССР в этой области. На немецкую агрессию против Польши Сталин ответил симметричной акцией с противоположного фланга, отхватив от польской территории изрядный кусочек. Попутно шло двухфазное «освобождение» Прибалтики от слабых полуфашистских режимов Пятса, Ульманиса, Сметоны... Немцы без единого выстрела схарчили Чехословакию, а СССР попытался то же самое проделать с Финляндией, но получил неожиданно жесткий отпор. И хотя в итоге эта позорная во всех отношениях кампания была выиграна, и финны подписали навязанный им мирный договор, Иосиф Виссарионович получил наглядное представление об истинных возможностях своей армии, на тот

момент умевшей побеждать лишь при многократном превосходстве в живой силе и технике, ценой неоправданно высоких потерь. Что он при этом думал, трудно сказать, но, вероятнее всего, имея достаточно полное представление о военно-промышленном потенциале Европы, в первую очередь Германии, решил, что пора утроить усилия в этом направлении...

Адольф же тем временем вовсю развернулся на западном и южном направлениях, молниеносно и малой кровью завоевав все страны Европейского континента, не имевшие нейтрального статуса или союзнических отношений с Германией, бомбил Англию, вторгся в Северную Африку. В своем противостоянии с Англией он уже не был слабейшим, а потому Сталин решил исподволь помочь англичанам против немцев. «Освободил» Бессарабию, Буковину, подползал к нефтяным запасам Румынии, нависал над северными конвоями, выдвигал заведомо невыполнимые условия, когда Гитлер страшно зависел от сталинских поставок.

Немецкий фюрер страдал нарциссизмом и паранойей, но отнюдь не слабоумием. Он прекрасно понимал, что над ним висит топор, что Сталин обязательно ударит в спину. Отсюда и возник печально известный план «Барбаросса» – феноменально наглый, безумный и самоубийственный для Третьего рейха даже в случае точного выполнения всех его пунктов: у Германии со всеми ее союзниками элементарно не хватило бы сил и ресурсов для захвата и удержания столь огромной территории на востоке при одновременном продолжении войны на западе. И нельзя сказать, чтобы у фюрера не хватило здравого смысла хотя бы приблизительно оценить колоссальные мобилизационные ресурсы Сталина и практически неисчерпаемые ресурсы материальные и природные – даже в случае потери донбасского угля, бакинской нефти и промышленных мощностей на оккупированных территориях. То ли расчет строился на «принуждении к миру» на максимально выгодных для Германии условиях, то ли беспрецедентные военные успехи в Европе действительно вскружили голову... Так или иначе, но уже 22 июля 1940 года, выступая перед генералами, Гитлер заявил: «Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он хочет захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Русская проблема будет разрешена наступлением... Разбить русскую армию или, по крайней мере, занять такую территорию, чтобы можно было защитить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение вглубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры».

Можно лишь с грустью посмеяться над дежурным утверждением советской историографии, будто Сталин ничего не знал о военных приготовлениях нацистов, слепо верил «другу Адольфу» и сосредоточивал усилия на мирном созидательном труде советских граждан и росте их благосостояния. Ограничимся лишь самыми общими цифрами официальной статистики: «В 1939 г. выпуск продукции всей промышленности увеличился на 16 процентов, а предприятий наркоматов оборонной промышленности – на 46,5 процента. В 1940 г. объем военной продукции возрос более чем на треть. Таким образом, военная промышленность развивалась примерно в три раза быстрее, чем вся остальная» (отметим, что «вся остальная промышленность» тоже прямо или косвенно работала на оборону). Еще более стремительно нарастала подготовка кадров для войны, проводились беспрецедентные по своему размаху «военные игры».

И так длилось до захвата Гитлером Югославии в апреле 1941 года. Потом вдруг опять начались «дружеские объятия», хотя, конечно, в Кремле знали: Гитлер не верит, Гитлер – ползет. Он думает, что мы слабые, потому и заигрываем. И пусть думает...

24 мая Сталин устроил секретнейшее совещание с командующими западными округами и с их аппаратом, смысл которого сводился к тому, что нужно упредить врага в развертывании, ударить первыми, вот-вот, в ближайшее время. А потом началось немыслимое по

масштабам сосредоточение советских войск у границы – тайное... страшно тайное. Ночами, в эшелонах без окон. Предполагалось, что германская армия, изготовленная к броску, окажется беспомощна против внезапного удара. Потому и предписывалось «не поддаваться на провокации», не спугнуть развертывание немцев, чтобы они, не дай бог, к обороне не перешли.

Что, собственно, и произошло. Только ровно наоборот.

При этом нужно учитывать, что к 22 июня 1941 года Красная армия была крупнейшей армией мира, по количеству танков, самолетов и всего прочего (а в большинстве случаев – и по качеству) она значительно превосходила немцев. Нашими военными это именно так и осознавалось. Никто в Красной армии немцев всерьез не боялся. Поэтому разгром лета – осени 1941 года был полным мировоззренческим шоком.

О причинах этой катастрофы написано очень много. Не считаю нужным останавливаться на полемике с устойчивыми мифологемами о внезапном и вероломном нападении на мирно спящую страну, о подавляющем превосходстве гитлеровских танков и авиации, о нехватке снарядов и топлива, о непроходимых болотах, о десантах и диверсантах и т. д. Сил и средств у Красной армии было предостаточно и на отражение агрессии, и на мощный контрудар, способный отбросить врага по всей линии фронта. Подвела организация, подвело планирование, подвели кадры.

И вот об этом придется чуть подробнее.

После окончания Гражданской войны главным, а подчас и единственным источником кадровых потерь в РККА была ленинско-сталинская партия большевиков и ее верные стражи из ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Массовые репрессии против кадровых русских офицеров и их полное изгнание из армии начались с 1925 года – момента смещения Троцкого с поста главы военного ведомства. Троцкий не предполагал использовать Красную армию для операций в Европе: там, по его мнению, и так вскоре начнется революция. А вот при нападении на СССР внешнего врага на патриотизм и профессионализм офицеров можно было бы положиться.

Наиболее значимое для судьбы Красной армии, самое масштабное истребление кадрового русского офицерства, оставшегося или вернувшегося в СССР, прошло в 1930–1931 годах, в ходе операции «Весна». В этой операции НКВД «чистило» Красную армию от бывших «военспецов», то есть генералов и офицеров, служивших ранее в армии Российской империи. Всего было арестовано более 3 тысяч человек.

Вследствие этого изгнания и уничтожения «классово неполноценных» в советской дивизии насчитывалось к 1941 году лишь четыре-пять офицеров, имевших опыт Первой мировой войны, – меньше, чем их было тогда в батальоне вермахта.

Вторым, куда более резонансным актом этого разгрома стало известное дело о «военно-фашистском заговоре» 1937–1938 годов. И хотя есть большие сомнения в том, что от расстрелянных «красных маршалов» могла бы быть хоть какая-то польза в Большой войне, то тысячи вполне профессиональных военных, «прицепом» отправленные вслед за маршалами, Красной армии несомненно пригодились бы. Более того, уже на второй день войны было арестовано порядка двадцати крупных военных деятелей. Большинство, сначала подвергнув пыткам и издевательствам, расстреляли, некоторых (включая будущего маршала Мерецкова и будущего наркома Ванникова) вернули на прежние должности без какого-либо объяснения причин.

И в итоге на высших командных должностях остались персоны этим должностям, мягко говоря, не соответствующие. Известно, что в июле 1941 года было расстреляно все командование Западного фронта во главе с генералом Павловым – собственно, с теми же основаниями можно было бы расстрелять и командующих всех прочих фронтов (за исключением разве что Северного флота с его славным адмиралом Головкиным), а заодно и всю Ставку

во главе с Верховным главнокомандующим. То, что творилось на фронтах, словами описать невозможно: мощные механизированные корпуса без толку мотались по лесам и болотам, чуть ли не одновременно получая приказы наступать, отступать, обороняться и при этом ликвидировать несуществующие десанты и диверсантов. Наступающие части вязли в толпах беспорядочно отступающих, выдвигались навстречу противнику там, где его не было, попусту теряли технику, боеприпасы, горючее. Механизированные полки бежали от пехотных батальонов вермахта. Отцы-командиры нередко оказывались за сотни километров от линии фронта и самолетами слали письма в Москву с просьбой прислать подкрепление... Отдельные толковые действия отдельных толковых командиров армейско-корпусного уровня (Рокоссовский, Фекленко, Москаленко) становились возможными тогда, и только тогда, когда высшее начальство про них временно забывало, и они действовали по собственной инициативе...

В довершение всего этого практически во всех недавно «освобожденных» национальных окраинах вспыхивали восстания, часто бойцы убивали командиров и комиссаров и в полном составе сдавались немцам или разбегались. За первые месяцы войны число пленных превысило три миллиона, а дезертиров и вовсе никто не считал.

Вождю было отчего впасть в ступор, о чем впоследствии не писал только ленивый. Правда, в сталинский ступор верится с трудом – скорее, имели место лихорадочные попытки анализа ситуации и перебор вариантов. Судя по речи от 3 июля (той самой, где «братья и сестры»), политическая линия была продумана еще не вполне четко. «Враг... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма...» И что по этому поводу должен был думать советский народ, досыта нахлебавшийся счастливой жизни без помещиков и царя?

Впрочем, с политической составляющей у Гитлера было не лучше. И даже хуже. Свою восточную политику «лучшие умы рейха» строили на бредовых директивах фюрера о «стаде русско-татарских унтерменшей под водительством жидовских комиссаров», которое предписывалось, вполне по-пушкински, «резать или стричь». Конкретное политическое «сопровождение» своей военной акции он доверил наименее адекватному из своего окружения персонажу, главному «идеологу рейха» и главному «специалисту по Востоку» Альфреду Розенбергу. Этот кабинетный маньяк, чьи многословные опусы сам фюрер считал бредом сумасшедшего, даром что бывший ополченец-дезертир Российской армии и несостоявшийся ивановский большевик, имел о России самые извращенные представления, полагая, что смысл жизни для «русского мужика» сводится к страданию, непосильному труду, нищете, рабству и истовому расшибанию лба в ближайшей церкви. Все это он и брался обеспечить на новых восточных землях Третьего рейха. И обеспечил, дополнив вышеозначенные мероприятия педантичным грабежом всех материальных и культурных ценностей, вплоть до гатчинского паркета и дворцово-усадебных изразцов.

Вообще по части идеологии у нацистов было слабовато. Она была безнадежно провинциальной и интеллектуально третьесортной, можно сказать быдлацкой. Их бредовая теория об арийской расе господ и недочеловеческих расах рабов, хоть и претендовала на происхождение от древнегерманских сакральных мифов, мистических откровений гениального безумца Ницше и эзотерических изысканиях профессора Хаусхоффера сотоварищи, по сути ничем не отличалась от пещерного клича гопников всех времен и народов: «Да мы, ореховские, завсегда круче зуевских были!» (Отмечу, что на практике вопрос, кто тут ореховский, а кто зуевский, оба вождя решали примерно одинаково – по своему усмотрению и исходя из политической целесообразности).

Что же касается знаменитого доктора Геббельса, то его «министерство правды» и вовсе сработало так, будто находилось у Кремля на окладе. За редчайшим исключением, его пропагандистские материалы, адресованные войскам и населению противника, служили отлич-

ным наглядным пособием для политзанятий на тему: «Фриц не только сволочь, он еще и идиот». В плен заманивали пивком и сигареткой (это притом, что из миллионов, оказавшихся в плену за первые месяцы войны, десятки тысяч бежали – и рассказывали правду о нацистском «пивке!»), вещали, что «наш гениальный фюрер научит вас, как надо жить» (и это народу, которому другой «гениальный фюрер» давно уже внушил все, что надо!), потешали стишками типа «Пляши, русский мужичок, от Москва до Таганрог».

В конечном итоге сделанная Гитлером ставка на террор и насилие сыграла против него и дала Сталину уникальный шанс превратить драку двух диктаторов за разбойничьи трофеи в Великую Отечественную войну. В лице Адольфа он обрел идеального врага, то самое абсолютное Зло, борьба с которым могла служить моральным оправданием любых действий – по меньшей мере, в собственных глазах.

Но это осознание произошло уже потом, а в 41-м...

Миллионы пленных и еще миллионы советских людей, в одночасье оказавшиеся «бывшими советскими». Два с лишним десятилетия советской власти... «стокгольмского синдрома», помноженного на резонанс толпы. Мгновенная потеря этого помутнения – и столь же мгновенное приобретение другого, такого же.

Чины вермахта (и даже ваффен-СС, и даже гестапо), непосредственно наблюдавшие этот процесс, многократно обращались к Гитлеру и другим нацистским бонзам с призывами воспользоваться уникальной ситуацией и употребить этот громадный человеческий потенциал для борьбы со сталинским режимом и «выключения» СССР из войны. Тщетно. Как однажды обмолвился сам Иосиф Виссарионович, «Глупая политика Гитлера превратила народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии».

И ведь в кои веки раз правду сказал – только сделав сами народы СССР своим союзником в войне против Сталина и большевизма, Гитлер получал единственный шанс на победу в этой кампании. Иное дело, чем обернулось бы для Европы, мира и самой России появление на месте коммунистического СССР некоего союзного нацистам государства (или, что более вероятно, грозди из полутора-двух десятков более мелких образований, общей конфигурацией схожей с постсоветским пространством). Едва ли чем-нибудь позитивным...

Но и при упорном сопротивлении немецких властей число советских «предателей», воевавших на стороне Германии, просто зашкаливает: полтора миллиона человек, как минимум, а по некоторым оценкам – и все два. (Для сравнения – подобных англичан насчитывалось порядка двух-трех сотен, а вместе с валлийцами и шотландцами – чуть меньше тысячи). В конце 1942-го хиви («добровольные помощники») составляли почти четверть личного состава вермахта на Восточном фронте. Во время Сталинградской битвы в 6-й армии Паулюса их было почти 52 тысячи (ноябрь 1942). В трех немецких дивизиях (71-й, 76-й, 297-й пехотных) в Сталинграде «русские» (как немцы называли всех советских граждан) составляли примерно половину личного состава. Даже в таких элитных дивизиях войск СС, как «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Тотенкопф» и «Райх», – в июле 1943-го (Курская битва) советские граждане составляли 5–8 % личного состава. А ведь кроме хиви были и отдельные «русские» формирования Бессонова, Каминского, Гиль-Родионова, Боярского, Смысловского и многих других и громадные по численности национальные формирования народов СССР. А если учесть, что помимо них в «предатели» записывали и изрядное количество военнопленных, «остарбайтеров», гражданских лиц, сотрудничавших с оккупационными властями в качестве учителей, врачей, священников, управленцев и т. д., не говоря уже о членах семей, то получится их, пожалуй, и побольше, чем всех довоенных «врагов народа» вместе взятых. И судьбы этих людей – неотъемлемая часть общей трагической судьбы России в XX веке.

И еще одно: в Первую мировую войну к 1917 году кайзеровская Германия тоже оккупировала значительную часть тогдашней Российской империи, а число военнопленных из

Русской императорской армии перевалило за три миллиона. Россия трещала по швам, армия уже разваливалась, дезертирство и «братания» с врагом становились массовыми. Но при этом не известно ни одного случая, чтобы русский солдат (о поляках, прибалтийских немцах и западных украинцах речи не идет) встал на сторону врага и повернул оружие против своих. А тут миллионы – и это притом, что и враг в этот раз стократно гаже тогдашнего. Что же случилось с народом?

Ответ, по-моему, очевиден...

* * *

«Генерал» – это не историческая эпопея, и уж тем паче не политическая декларация. Это, в первую очередь, история любви двух отчаянно одиноких и безнадежно «несвоевременных» людей, чудом уцелевших в чужом и враждебном мире и обретших друг друга в обстоятельствах, порожденных самой страшной войной в истории человечества, – бывшего генерала Красной армии Федора Трухина и ленинградской студентки Станиславы Новинской¹.

Все события, о которых идет речь в книге, показаны их глазами, через их восприятие и осмысление. В том же духе выдержаны и «Исторические справки», сопровождающие некоторые главы. У большинства читателей это может вызвать недоумение и даже протест: не слишком ли идиллически-сладок образ «России, которую мы потеряли», не слишком ли идеальным предстает русское дворянство, не многовато ли православного елеса? И наоборот – почему все, связанное с СССР, с пролетариатом и большевиками, предстает таким хамским и ублюдочным? Почему даже бытовые сравнения – всегда в пользу нацистской Германии? Где, наконец, зверства фашистов и героизм советского народа?

Суть в том, что потаенный образ той самой «потерянной России» – с усадьбами, церквями, балами – позволял главным персонажам романа выжить и не сойти с ума в России советской, органически чуждой и враждебной им. Немецкий плен стал для обоих освобождением из внутреннего ада, но вывел наружу и до предела обострил разрыв между любовью к России и ненавистью к СССР. Оба этих чувства выплескивались теперь открыто. Это двойственное, расщепленное сознание героев я посчитал нужным передать через последовательное размежевание «выражения» и «содержания», то есть создав «разность потенциалов» между тем, как описаны события, и тем, что они на самом деле означают.

И здесь приходится дать несколько пояснений для тех, кто привык к однослойным повествованиям и разучился считывать скрытый смысл.

1. Трухин, как, впрочем, и все советские генералы, пошедшие на сотрудничество с немцами, к Гитлеру и нацистам относился ничуть не лучше, чем к Сталину и большевикам, воспринимая и тех и других как явление одного порядка. Наци, в свою очередь, нисколько этим генералам не доверяли и считали их «необходимым злом». Расклад был предельно ясен: в случае победы Сталина их всех ожидала мучительная казнь, победившему Гитлеру они тоже были бы не нужны: к управлению вассальной Россией допустил бы совсем иных личностей, доказавших свою преданность: Бронислава Каминского, например, или Бориса Смысловского. Да и в «ближнем кругу» имелся на этот случай свой «русский» – Альфред Розенберг. Оставалось уповать на победу вермахта, но уже без Адольфа с его психиатрически-зоологической сворой. Ставка делалась на военный переворот в Германии.

¹ Часть истории Стази легла в основу рассказа о судьбе ленинградской учительницы Станиславы Юрьевны Каменской («Семь писем о лете»). Так что некоторые эпизоды не только перекликаются с «Семью письмами», но и почти дословно их повторяют.

2. Генерал-лейтенанта Власова, появившегося в Германии на второй год войны, Трухин недолюбливал и не доверял ему. Похоже, небезосновательно: вся логика поведения Власова указывала на то, что скрытой его целью было максимально замедлить создание боеспособной русской армии. Выполнял ли он секретное задание Сталина или руководствовался какими-то иными мотивами, теперь уже не скажешь. Факт то, что армия КОНР появилась лишь тогда, когда никакого военного смысла в ней не было, а политический, по существу, свелся к тому, чтобы облегчить СМЕРШ и НКВД работу по установлению «предателей» среди военнопленных и остарбайтеров. Пропагандистское же обеспечение этой акции было проведено на высшем уровне: полностью успели укомплектовать только одну дивизию, еще две – наполовину, а желающих хватило бы еще на тридцать. Перспектива погибнуть в бою оказалась для многих предпочтительнее возвращения на советскую родину. Более того, текст знаменитого Пражского манифеста в больших количествах забрасывался в распоряжение Красной армии – и при каждом «контакте» с советскими войсками (а боевых из них было ровно два) власовцы принимали к себе несколько перебежчиков. А это был 1945 год!

3. После провала покушения на Гитлера в 1944 году Трухин чудом избежал ареста и не разделил участи заговорщиков. Вскоре произошла «историческая» встреча Власова с Гиммлером, фактически сменившим окончательно сбрендившего Гитлера на посту вождя рейха, где было получено высочайшее одобрение на формирование армии КОНР со статусом «войск СС». Для тех, кто был, что называется, «в теме», репутация «борцов за свободную Россию» была подорвана, но до народа эта пикантная подробность доведена не была. «Высокие договаривающиеся стороны» продолжали дурить друг друга – обе пребывали в самом отчаянном положении. 14 ноября в Праге был с большой помпой подписан манифест КОНР, и началась деятельность по созданию освободительной армии, своей энергичностью и, по сути, бессмысленностью походившая на предсмертные конвульсии. Под какого, собственно, противника создавалась эта армия? Власов всячески противился отправке единственной своей боеспособной дивизии на западный фронт, уже, видимо, планируя свое бегство к «союзникам» (хотя какие они ему были союзники?). Проливать русскую кровь кандидат в «спасители России» тоже не хотел. Что-то говорил о волне «народных восстаний» в советском тылу, понимая, что это уже из области фантастики.

4. Что же до Трухина, то он на тот момент уже себя похоронил. Единственное, что побуждало его жить и действовать, было стремление спасти человека, ставшего ему самым близким. Остальное же представляло собой сплошной самообман – последнее средство от черного отчаяния и пустоты...

5. В романе намеренно опущен финальный аккорд земной жизни Трухина и его сподвижников – судебный процесс над генералами РОА, официальные данные о котором внушают большие сомнения, а всевозможные версии и слухи множатся с каждым годом. Строго говоря, как бы мы ни относились к личностям, идеям и побудительным мотивам этих генералов, изменить присяге и принять оружие из рук врага во время войны – тягчайшее воинское преступление, за которое во все времена и при любом строе возможно лишь одно наказание (кроме, добавим, тех случаев, когда изменники переметнулись на сторону победителей). Да и, в сущности, они были мертвы задолго до приведения приговора в исполнение...

Так что героями в прямом смысле этого слова в книге оказываются отнюдь не эти генералы армии-фантома с их «хорошими русскими лицами», умными разговорами и красивыми воспоминаниями, а... впрочем, это, надеюсь, станет понятно и без моих подсказок.

История порой совершает немислимые кульбиты: через полвека после начала Великой Отечественной войны дело генерала Власова не только ожило, но и в определенном смысле победило. Основы новой российской государственности местами до боли схожи с тезисами Пражского манифеста, а власовское знамя – торговый триколор Российской империи – гордо реет над страной, сокрушившей чудовищный гитлеровский нацизм.

Как писал наш последний, катастрофический император: «Боже, спаси и сохрани Россию».

И последнее: я от всей души благодарен моим друзьям, оказавшим огромную помощь в написании этой книги:

- *Марии Барыковой*, за помощь в работе над текстом и бесценные архивные материалы;
- *Андрею Буровскому* и *Олегу Широкому*, за исторические справки и комментарии;
- *Серайне Сигрон*, за вставки на немецком.